

Кубарев В.Д.
(г. Новосибирск, Россия)

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СВАТИЛИЩА КАЛБАК-ТАШ* (РЕСПУБЛИКА АЛТАЙ)

«Наскальные изображения – это памятники художественной деятельности древнего человека, представляющие столь же большую, как и загадочную область первобытной культуры. Совершенство, с которым они подчас исполнены, их таинственный смысл могут смутить даже самое дерзкое воображение»
А.П. Окладников

Алтай известен своими уникальными археологическими памятниками, но особое место в их реестре занимают многочисленные рисунки на скалах – петроглифы. Расположение их вдоль древних троп кочевников и у высокогорных перевалов через заснеженные хребты Алтая, концентрация их в определенных и часто живописных местах, еще раз подтверждают гипотезу о существовании в глубокой древности горных «храмов» под открытым небом. Характерная особенность подобных памятников – расположение на возвышенных местах, нанесение рисунков на вертикальных плоскостях отдельных скал, выделяющихся формой и хорошо заметных с большого расстояния. У их основания имеются вымощенные камнем площадки, круглой и квадратной формы выкладки из валунов или поставленных на ребро сланцевых плит, – «каменных ящиков». Эти сооружения, несомненно, служили для жертвоприношений и проведения обрядов перед священными, может быть, тотемными изображениями животных.

Древняя история народов Центральной Азии еще во многом остается для нас загадочной и таинственной. Но проникнуть вглубь тысячелетий помогают листы «каменных книг» – рисунки на скалах. Они занимают в древностях особое место, являясь бесценным источником по духовной и материальной культуре древних алтайцев. Нередко это живописные повествовательные рассказы наших предков о своей жизни, обрядах и зарождающейся мифологии. Некоторые каменные полотна являются настоящими произведениями первобытного искусства. Одним из труднейших вопросов при изучении петроглифов остается определение даты их создания, и самое главное «расшифровка», – то есть, прочтение их содержания. Археологам и историкам давно известно, что многочисленные рисунки древних запечатлели не только различные бытовые сцены жизни: перекочевка, охота, война, но они также являлись наскальными иллюстрациями древнейших мифов и сказаний. Различить их и определить дату помогает тщательный анализ техники выбивки, художественных приемов и стиля, в котором выполнены древние рисунки. Но, даже, несмотря на такой комплексный метод исследований, многие из них остаются непонятными до сегодняшнего дня. Очевидно, это объясняется тем, что мировосприятие древнего человека разительно отличалось от нашего современного мышления. Но случаются и удивительные совпадения, когда дошедшие сквозь века описания мифов и легенд совпадают с некоторыми сюжетами алтайских петроглифов.

Один из таких выдающихся комплексов древнего наскального искусства, получивший название Калбак-Таш I находится на правом берегу р. Чуи, приблизительно в 12 км выше от её слияния с Катунью и в 18 км от с. Иня (Онгудайский район, Республика Алтай).

Скальное возвышение расположено на высоте 770 м. над уровнем моря. Координаты комплекса Калбак-Таш: 50° 24' 11" северной широты и 086° 49' 08" восточной долготы. Скалы, сложенные сланцевыми породами зеленовато-коричневого цвета, причудливыми уступами обрываются в Чую. Прямо у основания скал вьется асфальтированная лента знаменитого Чуйского тракта, соединяющего Алтай, да и всю Западную Сибирь с Монголией. Древнее святилище Калбак-Таш I находится на 721 км от

* Доклад в сокращенном виде был озвучен автором на международном симпозиуме: «Проблемы интерпретации тюркских рунических текстов и алтайский корпус» (Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, 20 мая 2009 г.).

г. Новосибирска (рис. 1). Многие годы оно не привлекало внимания исследователей первобытного искусства. Поэтому история Калбак-Таша, в настоящее время широко известного в России археологического памятника*, достаточно интересна, но необычайно коротка.

На самом деле название памятника известно под именем Ялбак-Таш. Но, за ним утвердилось новое, хотя и не точное название Калбак-Таш. Первой ошиблась Е.А. Окладникова (1981), затем В.М. Наделяев (1981). Не избежал ошибки также и автор этой статьи (Кубарев В.Д., 1986а). Это стало возможным потому, что реально существующий бом Калбак-Таш находится всего в 10 км от Ялбак-Таша вниз по р. Чуе, а не вверх по реке, как это утверждает И.Л. Кызласов (2002, сноска 13, на с. 58). Кстати, на нем также открыты петроглифы (Кубарев В.Д., 1992б, 1992в), которые практически граничат с рисунками в Ялбак-Таше. В соответствии с алтайской и монгольской этимологией Ялбак-Таш и Калбак-Таш дословно переводятся на русский язык с одинаковым значением «*как широкий, ровный камень или скала*» (Молчанова О.Т., 1979, с. 176, 199). Поэтому, очевидно, не следует переименовывать это, уже утвердившееся в археологической и научно-популярной литературе название, оставив за ним наименование Калбак-Таш.

Бом Калбак-Таш в 1865 г. впервые упоминается В.В. Радловым (1989, с. 34). Но он, очевидно, не видел наскальных рисунков, так как древняя торная тропа, сохранившаяся до нашего времени, пролегла по небольшой седловине, расположенной гораздо выше скал Калбак-Таш, обрывающихся в р. Чую. В.В. Радлова, несомненно, заинтересовали бы калбакташские петроглифы, знай, он о них. Потому что, заночевав где-то в устье р. Чуи, на следующее утро он вернулся к только что пройденному бому Бичикту-Кая, где были «... монгольские и китайские надписи, которые теперь уже едва ли можно различить, так как низ скалы почернел от дыма» (Радлов В.В., 1989, с. 33).

В трудах Г.Н. Потанина, также можно найти очень краткое сообщение о двух местонахождениях наскальных изображений в устье р. Чуи, известных сегодня под названием Калбак-Таш I и Калбак-Таш II (Чуй-Оозы). Анализируя технику нанесения рисунков, он очень верно подметил, что древний художник сначала делал эскиз фигуры острым предметом, а потом уже заполнял её силуэтной выбивкой (Потанин Г.Н., 1881, с. 46). Однако, судя по первой небольшой статье П.П. Хороших, памятник Калбак-Таш все-таки был открыт в 1912 году (1949, с. 132). Первооткрывателями выдающихся петроглифических комплексов: Калбак-Таш – Ялбак-Таш – Иодро, наверное, следует считать художников Д.И. Кузнецова и Г.И. Гуркина. Они сделали первые зарисовки, тем самым, положив начало изучению древних изобразительных памятников Алтая. Хотя надо заметить, что сам П.П. Хороших на Калбак-Таше, очевидно, не бывал, иначе бы он не поместил его выше по течению р. Чуи, между селами Иодро и Чибитом (1949, с. 132). Петроглифы были очень точно зарисованы Д.И. Кузнецовым рядом с тропой, проходившей вдоль южной части скального массива Калбак-Таша, условно названной нами скалой № I. Они хорошо сохранились до наших дней и были нами скопированы на полиэтиленовую пленку.

В 1979 г. петроглифы Калбак-Таша были вновь открыты археологами Института истории, филологии и философии СО АН СССР (г. Новосибирск). Его местонахождение сотрудникам института Е.А. Окладниковой и П.П. Лабцекому указал известный алтайский сказитель А.Г. Калкин. В 1980 г., а затем и в следующем 1981, петроглифы Калбак-Таша были полностью (как это представлялось исследователям) скопированы. В печати появилась лаконичная заметка об открытии памятника и проводившихся на нем работах (Окладникова Е.А., 1981, с. 63). Анализ и интерпретация отдельных сюжетов Калбак-Таша, изложены ею также в монографии, посвященной петроглифам Средней Катуни (Окладникова Е.А., 1984). Нужно признать и то, что попытки публикаций отдельных памятников оказались неудачными. В качестве примера, обосновывающего наши замечания, обратимся опять к петроглифам Калбак-Таша, которые, по мнению Е.А. Окладниковой, почти полностью опубликованы в ее небольшой статье (1987а, с. 98–110). Во-первых, эта работа помещена в региональном, малоизвестном сборнике, посвященном новым памятникам Среднего Амура (?); во-вторых, все рисунки,

* В интернете древним памятникам Калбак-Таш и Ялбак-Таш посвящено более 4000 веб-страниц, но нет, ни одной научной публикации, за исключением небольших статей автора и его алтайских коллег.

скопированные Е.А. Окладниковой (более 200 композиций) размещены всего на шести таблицах. К тому же отсутствие нумерации, масштабов, а также сильное уменьшение изображений практически делает публикацию неполноценной и незаметной для специалистов. Такими же погрешностями страдают и другие работы Е.А. Окладниковой, особенно научно-популярная книга, изданная общим тиражом 30 тыс. экз. (1990). В нее «перекочевали» иллюстрации неточных копий рисунков из Калбак-Таша и плохого качества фотографии. Иногда, подписи под отдельными рисунками не соответствуют названию памятника. Большая часть текста книги посвящена обоснованию интерпретации, так называемых «решеток», которая ранее подверглась критике специалистов по первобытному искусству.

Многие рисунки, покрытые мхом, заваленные землей и обломками камня, оказались незамеченными исследователями. Можно с уверенностью сказать, что ими была обработано менее половины всех петроглифов Калбак-Таша. Необходимо признать, что и этот исследователь, довольно поверхностно и быстротечно попытался суммировать данные об исследованном памятнике. Вклад Е.А. Окладниковой в изучение петроглифов Алтая неоспорим, но вместе с тем слабая источниковедческая база, невнимательное отношение к топонимам Алтая привело к уверенности, что многие петроглифические памятники открыты автором впервые. Главным недостатком является низкое качество копий опубликованных в ее статьях, сделанных с микалентных эстампажей (несомненно, без дальнейшей коррекции), явное невнимание исследователя к фрагментарным рисункам и изображениям, покрытых лишайником, – все это практически обесценило результаты работ Е.А. Окладниковой.

Открытая Е.А. Окладниковой одна древнетюркская надпись оказалась первой из 12 рун, обнаруженных В.М. Наделяевым при обследовании Калбак-Таша в 1980 г. (1981, с. 65–81). Этот исследователь – лингвист и тюрколог внес значительный вклад в изучение древнетюркской эпиграфики Алтая и, в частности в изучение надписей Калбак-Таша. В.М. Наделяев всегда работал в тесном контакте с археологами и при первой возможности выезжал на открытый памятник и проверял наши копии. Ведь не секрет, что открытие и изучение рунической письменности неразрывно связано с исследованием наскальных рисунков и других археологических объектов. Поэтому его перевод надписей Калбак-Таша далеко не исчерпал всех возможностей этого уникального памятника. В 1987 г. при сплошных съемках наскальных рисунков здесь найдено еще 8 строк древнетюркской письменности (Кубарев В.Д., 1990). Уже в те годы было ясно, что алтайский регион выдвинулся на одно из первых мест среди областей распространения древнетюркской эпиграфики (Кубарев В.Д., 1992г, с. 68–73), что собственно не вызывает удивления, так как Алтай считается прародиной многих тюркских народов.

В 1994, 2001 и в 2003 гг. изучением рунических текстов Калбак-Таша занимался И.Л. Кызласов (2002). Он весьма скрупулезно и критически рассмотрел копии надписей, снятые и опубликованные В.М. Наделяевым, В.Д. Кубаревым и Э.Якобсон, вводя, по его мнению «...некоторые неизбежные поправки» (Там же, с. 58). Перевод и прочтение надписей В.М. Наделяевым и И.Л. Кызласовым также существенно различаются. Разночтения понятны, когда исследователи интерпретирует плохо сохранившиеся руны. Но, например, в учебном пособии, изданном И.Л. Кызласовым в Горно-Алтайске, на рис. 32 даны два воспроизведения одной надписи. Один вариант он скопировал в 1994, второй в 2001. Из 9 знаков надписи – 3 буквы различаются? (2002, с. 135). Если даже ученый-тюрколог сомневается в подлинности знаков, что может сделать, малосведущий в рунологии, исследователь? Поэтому некоторые надписи Калбак-Таша остаются до сих пор неп прочитанными и требуют кропотливой работы над ними. Другой случай: когда ученые приводят вполне ясные и четкие руны, но читают их по-разному. Не сомневаясь в высоком профессионализме И.Л. Кызласова, большого знатока рунических текстов Евразии, мне хотелось бы услышать ответ известных тюркологов, на давно заданный вопрос, по поводу «открытия им новой письменности на Алтае» и совершенно нового прочтения древне-алтайских надписей, которые уже были переведены его предшественниками.

Тем не менее, мы согласны с заключением И.Л. Кызласова, что Калбак-Таш является самым крупным местонахождением рунических надписей, не только на Алтае,

но и в России (Там же, с. 57). Всего же по подсчетам И.Л. Кызласова и В.А. Кочеева (2006, с. 15) на этом памятнике зафиксировано 29 надписей (по нашим данным – 31 строка).

Автор статьи проводил исследования на Калбак-Таше в течение шести полевых сезонов: 1984–1988 и 1991 гг. Результатам этих работ были посвящены сообщения в ежегоднике «Археологические открытия» (Кубарев В.Д., 1986а; 1986б) и в периодической печати (Он же, 1988б; 1992г; 1992д; 1992е). Отдельные его статьи, в которых рассматривались вопросы хронологии и семантического осмысления калбакташских изображений опубликованы в профильных журналах и тематических сборниках (Он же, 1987; 1989; 1990; 1992а; 1992б; 1992в; 1993; 1999; 2004а; и т.д.). Некоторые сюжеты из петроглифов Калбак-Таша были также размещены в трех научно-популярных книгах, одна из которых была издана за рубежом (Он же, 2003а, 2004в, 2004б).

Поводом для всестороннего изучения изобразительных материалов Калбак-Таша послужило открытие красочных росписей на плитах гробниц в с. Каракол (Кубарев В.Д., 1988а) и явные погрешности, допущенные нашими предшественниками при копировании и дальнейшей публикации рисунков. В первом случае было любопытно сравнить отдельные персонажи из росписей Каракола с некоторыми рисунками Калбак-Таша, что, несомненно, было необходимой процедурой для уточнения хронологии и культурной принадлежности сравниваемых памятников. Во втором случае наше решение заново обработать петроглифы Калбак-Таша, оправдалось находкой еще более уникальных композиций, а также своевременной и оперативной фиксацией быстро разрушающихся шедевров наскального искусства Алтая.

Местонахождение петроглифов Калбак-Таш I, разделено нами на 15 участков, условно названных «скалами», которым присвоены номера, обозначенные римскими цифрами. Копирование петроглифов производилась с юго-запада на северо-восток сплошной нумерацией. Номера присваивались как отдельным рисункам, так и композициям (включавших от 2–3 изображений до нескольких десятков). Общее число рисунков Калбак-Таш I в настоящее время составляет 3723, но на памятнике осталось несколько необработанных плоскостей с тонкими, слабо различимыми граффити. Они оставлены до тех времен, когда у исследователей появится новые технические возможности для более точного копирования рисунков.

Наибольшее скопление рисунков наблюдается в южной и центральной части древнего комплекса Калбак-Таш, ближе к правому берегу р. Чуи. В меньшем числе они нанесены на скалах, расположенных на севере и западе урочища. Визуальное обследование скальных плоскостей с рисунками показало, что петроглифы Калбак-Таша интенсивно разрушаются как природными (выветривание, выщелачивание) так и антропогенными факторами. Особенно пострадали или даже полностью были уничтожены рисунки на южных скальных выходах, попавшие в зону реконструкции Чуйского тракта. При расширении полотна дороги взрывами была отделена часть скальных блоков с рисунками и отодвинута в отвал насыпи. Однако нельзя согласиться с выводом Е.А. Окладниковой, что здесь была уничтожена большая часть калбакташских петроглифов (1987а, с. 98). При тщательном осмотре каменных блоков, оторванных взрывами, нами были выявлены всего один целый рисунок и небольшой фрагмент второго. Чудом не пострадала юго-восточная часть скальных выходов, где были сосредоточены наиболее интересные композиции? древнетюркские тамги и рунические надписи. Тем не менее, значительная часть скал верхнего яруса, ориентированная плоскостями с рисунками на юг и юго-запад, оказалась полуразрушенной в результате подвижек и многочисленных трещин, появившихся в результате производства взрывных работ. Многие рисунки разрушались уже на наших глазах. Поэтому первоочередной задачей мы считали спасение их путем эстампирования, фотографирования и применением других, доступных нам способов копирования.

Многие петроглифы оказались покрыты лишайником, слоем земли или битого камня. Плоскости с рисунками очищались от лишайника, деревянными скребками, отмывались водой и только затем снимались на специальную миколентную бумагу. Фотографирование и видеосъемка рисунков производилось до эстампирования и непосредственно сразу же после высыхания миколентной бумаги и нанесения краски. Здесь же на копиях проставлялись номера, и велось дневниковое описание рисунков (размеры, ориентация, местонахождение в комплексе, техника исполнения, степень

сохранности и патинизации, что изображено? стилистические особенности, и другие данные). Нечеткие копии корректировались мягким грифелем по оригиналу, сразу же в полевых условиях.

Работы по копированию петроглифов Калбак-Таша производились по методике, разработанной и описанной в археологической литературе (Шер Я.А., 1980, с. 67; Пяткин Б.Н., Мартынов А.И., 1985, с. 9; Капелько В.Ф., 1986, с. 105; и др.). Применение микалентной бумаги позволило повысить качество копий, а главное ускорить процесс съемки наскальных рисунков. Если раньше копирование рисунков производилось на кальку и зачастую страдало неточностями, то в настоящее время внимание археологов акцентируется на полной достоверности и четкости копий. Тогда как в издании петроглифов Елангаша (Кош-Агачский район) достаточно много неточных, очевидно, не сверенных с оригиналами копий. Еще М.П. Грязнов отмечал явные различия между фотографиями и прорисовками изображений, помещенных в одном из альбомов о петроглифах Елангаша. Однако владение новейшими средствами копирования само по себе не обеспечивает высокого качества исследований. Если обратиться к результатам изучения петроглифов, т.е. публикациям, то нетрудно заметить, как иногда сильно различаются копии одних и тех же рисунков, снятых разными исследователями. К примеру, в одном из сборников, посвященных первобытному искусству, опубликованы статьи Е.А. Окладниковой (1987б) и В.Д. Кубарева (1987). Иллюстрации в них (копии рисунков с одного и того же петроглифического памятника Калбак-Таш) существенно различаются. Так же неодинаковы одни и те же прорисовки (петроглифы Куяса и Карбана на Катунь) в двух монографиях указанных авторов (ср. Окладникова Е.А., 1984, с. 74, табл. 10, 4; с. 90, табл. 26, 3–5; и Кубарев В.Д., 1988а, с. 159, табл. VIII, 1, с. 163, табл. XII, 6). Много различий можно найти в скопированных, а затем опубликованных В.Н. Елиным (1983) и Е.А. Окладниковой (1984) рисунков одного и того же местонахождения Томыш-Кан (Тогустан) на р. Катунь.

Е.А. Миклашевич опубликовала три варианта одного фрагмента наскальной композиции из петроглифов Калбак-Таша, скопированные в разные годы Е.А. Окладниковой и В.Д. Кубаревым. Копии существенно различаются (Миклашевич Е.А., 2006, рис. XXV). Но есть ещё и четвертый вариант этого фрагмента, опубликованный Е.А. Окладниковой (1990, с. 91). Копия также отличается от трех предыдущих. Список неточных прорисовок можно продолжить, но техника копирования все время совершенствуется и не вина исследователей, что они применяли доступные им методы копирования. Конечно, надо признать – петроглифы сложный археологический источник, требующий от археолога значительных усилий, большого опыта, а самое главное, объективности в выводах и осторожности в интерпретации полученных материалов. Известно, что еще на первой стадии в процессе копирования рисунков у каждого исследователя формируется определенное мнение насчет того, что изображено. Взяв за основу эти предварительные определения, исследователь часто подгоняет рисунок под свою, явно субъективную версию. Отсюда и ошибочная интерпретация изображений и спорные выводы. Особенно много разночтений возникает при обработке насыщенных рисунками композиций, палимпсестов и плохо сохранившихся рисунков. Здесь многое зависит от добросовестности и в немалой степени от фантазии исследователя. При изучении таких памятников неизменно возникают разные, иногда даже противоположные точки зрения на изучаемый объект, а отсюда появляются и совершенно новые варианты одних и тех же изображений. В таком непростом положении оказались исследователи грота Куйлю на р. Кучерле (Усть-Коксинский район). Причем, в таких случаях любые выводы имеют право на существование, поскольку они находятся в равном положении, их трудно аргументировать, но также трудно опровергнуть окончательно. Чтобы избежать такого рода ошибок и бесполезных дискуссий, необходимо помещать в публикациях не только прорисовки петроглифов, но фотографии оригинала и копий, снятых на миколентную бумагу.

Следует напомнить, что отдельные рунические надписи и петроглифы памятника Калбак-Таш I были опубликованы во Франции (Kubarev V.D., Jacobson J., 1996), в рамках международного издательского проекта «Корпус петроглифов Центральной Азии». Однако книга издана малым тиражом, на английском языке и в настоящее время практически недоступна не только российским читателям, но и ученым. Поэтому

подготовленную мною рукопись российской версии книги можно считать актуальной и своевременной. Тем более что по структуре работа отличается от книги, опубликованной в Париже, и рассчитана на российского читателя. В ней добавлено краткое описание рисунков, унифицированы таблицы с прорисовками петроглифов, составлены типологические таблицы по видовому составу изображений животных, встречающихся в петроглифах Калбак-Таш I. Отдельным приложением включены все известные древнетюркские рунические надписи. В книге также даны цветные фотографии, дающие представление о геоморфологии памятника и наиболее характерных сюжетах наскальных изображений. Автором заново написан текст книги, в которой также приведены рисунки каменных орудий, найденных у основания скал с петроглифами, расширен библиографический список опубликованных работ. Требуются только денежные средства для реализации издательского проекта.

Необходимо упомянуть и о результатах, полученных нами при исследовании двух небольших раскопов в Калбак-Таш, заложенных непосредственно у основания скал с петроглифами. И хотя здесь культурный слой как таковой отсутствовал, мощность накопленных отложений в раскопе № 1 (3 x 3 м, заложенном в западной части святилища, скала № II), иногда достигала 90–100 см. Они включали, в основном, обломочный песчаниковый материал и мелкий галечник, перемешанный с желтым суглинком. Изредка в них фиксировались гумусные пятна и натеки глины. Это заполнение лежало на стерильно чистом слое ярко-желтой глины (толщиной 15–20 см) под которым оказались площадки скального цоколя. В заполнении отложений найдены очень крупные каменные плиты с рисунками (отдельные из них, размерами 1,0 x 0,5 м), а также расчищены новые изображения на горизонтальных плоскостях. На разных глубинах найдены: курант (?) от зернотерки, обломки шлифовальных камней, кости животных, древесные угли и маловыразительные фрагменты тонкостенной керамики.

Идентичное по структуре заполнение раскопа № 2 (7 x 4 м), исследованного у большого скопления рисунков с известным изображением калбакташской «химеры» или дракона? (рис. II), содержало: мелкие обломки плиток с рисунками, отколовшиеся от вертикальных плоскостей; заготовки каменных орудий, «чашечный» камень (рис. III – 3) со следами растирания темно-красной охры. Последняя находка любопытна, так как позволяет предположить, что выбитые рисунки, вероятно, еще и раскрашивались в древности красной краской. Следы красной охры обнаружены на отдельных энеолитических рисунках и стелах р. Чулуут, в Монголии. Около них найдены «чашеобразные» камни, в которых растиралась краска (Новгородова Э.А., 1989, с. 115). Следы охры сохранились и на стелах-изваяниях окуневской культуры Хакасии (Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.Б., 1980, с. 59). Рисунки на плитах из погребений каракольской культуры Алтая выполнены сочетанием гравировки, красной и черной краски, и нередко нанесены поверх граффити (Кубарев В.Д., 1988а, с. 30, рис. 29). Раскраска петроглифов в Калбак-Таше, и в Чулууте, окрашивание отдельных деталей окуневских изваяний Хакасии и комбинированные рисунки Каракола, свидетельствуют об общих изобразительных принципах в древнем искусстве народов Центральной Азии.

В разных частях калбакташского святилища собран, так называемый «подъемный материал», представляющий собой: заготовки каменных орудий и разной величины галечные отбойники (рис. III – 1,2,4), возможно, использованные в качестве ударных орудий для нанесения рисунков.

В пределах юго-восточной части святилища Калбак-Таш (вторая надпойменная терраса Чуи) раскопано погребение позднего бронзового века. Оно находилось в полуразрушенном каменном ящике, слегка заглубленном в материковый грунт и ориентированном длинной осью З–В. Погребенный человек лежал на левом боку, с согнутыми в коленях ногами, черепом на запад. Инвентарь отсутствовал, только при расчистке было найдено большое число колотых, иногда обожженных костей животных.

Могильник пазырыкской культуры Алтая находился между селами Июдро и Иня, на 721 км Чуйского тракта (от г. Новосибирска), и в 0,3 км на юг от скал с древними изображениями. Насчитывал три каменных насыпи, устроенных в ряд по линии СЗ-ЮВ на второй надпойменной террасе правого берега Чуи. Насыпи курганов, возможно, были разрушены при строительстве Чуйского тракта или при сооружении ЛЭП. Курганы исследованы Восточно-Алтайским отрядом Института археологии и этнографии СО РАН (г.

Новосибирск) в 1991 году. Находки из курганов опубликованы (Кубарев В.Д., Шульга П.И., 2007, с. 169).

Обилие древних изобразительных материалов, известных в устье Чуи, также не позволяет издать другой памятник Калбак-Таш II. Материалы подготовлены к печати, но причина одна – отсутствие финансирования. Наскальный комплекс петроглифов Калбак-Таш II находится на правом берегу р. Чуи, в 1-1,5 км от ее слияния с Катунью и в 10 км от местонахождения наскальных рисунков Калбак-Таш I. Координаты Калбак-Таш II: 50°40'50" с.ш. – 86°69'88" в.д., высота около 788 м над уровнем моря. Петроглифы сосредоточены, в основном, в двух близлежащих пунктах:

1 – на скальных останцах, протянувшихся каменной грядой поперек долины р. Чуи. Рисунки (общим числом более 150 разносюжетных композиций) встречаются в северном направлении, прямо от полотна Чуйского тракта (717 км от г. Новосибирска). Местность имеет название Чуй-Оозы;

2 – у подножия и по склонам большой горы, в 0,3 км к западу от Чуй-Оозы. Общее число разносюжетных композиций не превышает 30.

Образы и сюжеты основного местонахождения Калбак-Таш I очень хорошо коррелируются с петроглифами второго памятника Калбак-Таш II. Здесь известны крупные изображения лосей, оленей, лошадей, козлов, хищников и других видов животных, датируемых эпохой ранней бронзы. Именно на данном местонахождении впервые открыты петроглифы каракольской культуры (рис. IV), до сих пор известные только по красочным росписям, выбитым рисункам и граффити на плитах погребальных сооружений Каракола (Кубарев В.Д., 1988). Значение подобных открытий трудно переоценить. Они, наконец, позволяют выделить каракольский пласт петроглифов на исследованных рисунках, уточнить дату уже опубликованных сюжетов и наметить детальную периодизацию наскального искусства Алтая.

Объясняя назначение каракольских «ритуальных объектов», Д.Г. Савинов, предполагает, что многие из них были выполнены из дерева (2000, с. 203). В качестве примера, он приводит антропоморфную фигуру из Калбак-Таша II (рис. IV – 2). Но в контексте с фигурой животного маска-личина исключает подобную интерпретацию, потому что пока не удалось установить достоверно, является ли основание маски-личины «ручкой» для нее или рогами животного? Очень сходная изобразительная традиция существовала и у древних скотоводов Монгольского Алтая. На рисунке крупного быка рога лировидной формы стилизованы под анфасную фигурку женщины (Кубарев В.Д., 2006, рис. 17). Да и в Монголии и в сибирских петроглифах как, и в Калбак-Таше и Караколе стилизованных изображений женщин, рожениц (рис. V), размещенных рядом с фигурами оленей и лосей, вполне достаточно, чтобы принять авторскую интерпретацию каракольских персонажей (Кубарев В.Д., 1988а, с. 128–130). В подтверждение сказанному приведем данные о новых исследованиях на р. Томи ранее неизвестных петроглифов Тутальской «писаницы». Они открыты И.Д. Русаковой в 2005 году. На небольшой плоскости выбиты две антропоморфные фигуры с «клиновидными» туловищами. Одна из них («солнцеголовый» персонаж) примыкает нижней частью к «рогам»? лося, вторая, находится рядом, на спине этого же животного. Как считают исследователи, очень похожие композиционные сочетания («солнцеголовый» + антропоморф + образ лося) зафиксированы на Томской и Второй Новоромановской «писаницах» (Ковтун И.В., Русакова И.Д., 2005, с. 354).

К эпохе бронзы также следует отнести рисунок фантастического зверя из Калбак-Таш II, недавно найденный, в естественно образованном самой природой, жертвеннике. Каменные стенки и «дно» его покрыты выбитыми рисунками и глубокими резами. У калбакташского зверя главными и значимыми признаками служат открытая пасть и язык, а также два хвоста: один заброшен, другой достигает земли (рис. VI – 1). Рисунок подобного существа встречается в долине р. Инд, в разных пунктах: Чилас IV, переправа Тальпан, и др. (рис. VI – 2-6). Этот хорошо узнаваемый образ синкретического облика образует целый ряд близких, по стилю изображений. Немецкие исследователи склонны датировать его скифо-сакским временем (Martin Bemmann, 2005), тогда как рисунок из петроглифов в устье Чуи выглядит более архаично. Возможно, он входит в круг, редких для Алтая, фантастических хищников окуневско-каракольского искусства, известного

всего по нескольким его рисункам в Калбак-Таше I и одному в Бешозеке. Его образ также встречается в окуневском искусстве II тыс. до н. э. в Хакасии.

Сюжеты и отдельные рисунки из этого местонахождения очень часто использовались автором в качестве аналогий для обоснования датировок предметов мелкой пластики и культурной принадлежности некоторых археологических объектов Алтая (Кубарев В.Д., 1992а; 1993; 1999; 2006). Оригинальные рисунки устья реки Чуи (изображения руки, зебуобразные быки с длинными лировидными рогами и др. животные) вновь находят прямые параллели и точные аналогии в наскальных рисунках долины Инда в современном Пакистане (Кубарев В.Д., 1992в; 2007а; Йеттмар К., 1999). Достаточно подробные данные о наскальных изображениях Калбак-Таш II, а также ряд неизвестных ранее рисунков эпохи ранней бронзы из этого же комплекса, даны в сводной работе о петроглифах Алтая (Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992, рис. 32, 34–36). Особенно часто в научных статьях и научно-популярных изданиях фигурировали образы скифской эпохи и древнетюркского наскального искусства. В средневековых сценах комплекса Калбак-Таш II, выполненных в технике граффити, преимущественно, запечатлена удачная охота (Кубарев В.Д., 2003а; Кубарев В.Д., Якобсон Э., Цэвээндорж Д., 2000; и др.).

В изучении петроглифов этих первоклассных памятников древнего изобразительного искусства Алтая принимали участие: дгм А.М. Малолетко, дин Е.И. Деревянко. В те годы еще школьники и студенты: Д.В. Черемисин, Г.В. Кубарев, И.Ю. Слюсаренко, К.В. Чугунов, О.А. Деревянко, переводчица О.В. Павлова, старший лаборант Т.А. Кубарева и др., водитель Н.И. Портнов. В разные годы на Калбак-Таше также работали М.Д. Бриллиант и руководитель археологического кружка Ленинградского Дома детского творчества Н.А. Алексеева. В течение нескольких полевых сезонов проводили исследования профессор Я.А. Шер, французский исследователь доктор А.-П. Франкфор, американский профессор искусствоведения Э.Якобсон, профессиональный фотограф Г. Тепфер, польский ученый А. Розвадовски, японские и корейские археологи Т. Масумото, К. Оцука, Т. Осава, Кан Ин Ук, Им Се Гвон, Сонг Хва Соб, Со Гилсу, Со Джинсу и мн. другие иностранные ученые. Всем им автор признателен за действенную материальную помощь и ценные консультации.

В результате многолетнего научного сотрудничества ученых разных стран мы обязаны появлению опубликованных работ не только в России (Шер Я.А., Франкфор А.-П., Кубарев В.Д., 1995; Кубарев В.Д., Со Гилсу, Со Джинсу, 2003; они же, 2004; Кубарев В.Д., Им Сегвон, Сонг Хвасоб и др., 2005), но и в зарубежной печати (Kubarev V.D., Jacobson E., 1996; Kubarev V.D., 1989; 1993; 1998; 1996; 2001; 2005; 2006 и т.д.).

Первооткрыватели Калбак-Таша по достоинству не оценили значение памятника как полноценного источника по периодизации и реконструкции мифологических представлений, своеобразного культурно-хронологического «репера», к которому могут быть «привязаны» многие алтайские петроглифы. Горные святилища Калбак-Таш I и Калбак-Таш II, пожалуй, единственные на Алтае памятники, где на небольшом, но очень насыщенном рисунками участке сосредоточены наскальные композиции. Временной диапазон их широк: от эпохи неолита до древнетюркского периода. Интерес к Калбак-Ташу, значительно уступающему по площади и числу рисунков десяткам других алтайских местонахождений петроглифов, был обусловлен его ключевой ролью в периодизации петроглифических памятников Алтая и наскальных изображений соседних регионов Центральной Азии. Большое число палимпсестов в Калбак-Таше дает возможность проследить последовательность нанесения рисунков и эволюцию наскального искусства в пределах одного памятника. Многие сюжеты Калбак-Таша послужили поводом для дискуссий по проблемам интерпретации и уточнении хронологии азиатских петроглифов (Кубарев В.Д., 1997; 2004в; 2007а; 2007б; Черемисин Д.В., 2005; Советова О.С., 2007; Франкфор А.-П., Якобсон Э., 2004 и др.).

К сожалению, почти все петроглифы находятся в сфере интенсивной деятельности современного человека. Это и оживленная международная автомагистраль и, включение изобразительных памятников в туристический бизнес, неумелое обустройство и доступность плоскостей с рисунками и т.д. (Соёнов В.И., 2005). Уже сейчас им грозит полное уничтожение, как и монгольским (китайским?) надписям на скале Бичикту-Кая, находящейся рядом в нескольких километрах от пос. Иня. В свое время их исследовали первые российские путешественники и ученые: Н.М. Ядринцев (1883 г.), В.В. Радлов (1889 г.), В.В. Сапожников (1911 г.), В.А. Верещагин (1927 г.) и мн. другие. Нам уже не суждено

даже осмотреть этот памятник, так как в настоящее время, при расширении и поднятии Чуйского тракта над Катунью, надписи и пещера у бома Бичикту-Кая полностью засыпаны многометровым слоем грунта. А петроглифам Калбак-Таша грозит новая беда! Святилище с бесценными рисунками может быть полностью уничтожено в самое ближайшее время, потому, что оно расположено на пути строительства газопровода из Сибири в Китай.

В заключение этой публикацией я хотел привлечь внимание коллег, и, прежде всего, широкой общественности Республики Алтай к шедеврам древнего искусства Калбак-Таш – как к уникальному историческому источнику по древним культурам Центральной Азии. Необходимо объединенными усилиями продолжить и увеличить объем работ по комплексному изучению наскальных рисунков Алтая, потому что петроглифы буквально находятся «под открытым небом» и интенсивно разрушаются, и могут в самое ближайшее время, безвозвратно утрачены для науки и будущих поколений.

Библиографический список

1. Вадецкая, Э.Б. Памятники окуневской культуры / Э.Б. Вадецкая, Н.В. Леонтьев, Г.Б. Максименков. – Л.: Наука, 1980. – 148 с.
2. Елин, В.Н. Петроглифы долины Томыс-Кан / Елин В.Н. // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. – С. 109–116.
3. Йеттмар, К. Новая область распространения скифского звериного стиля в Гиндукуше / Йеттмар К. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 64–65.
4. Ковтун, И.В. Новые исследования и ранее неизвестные петроглифы Тутальской писаницы / И.В. Ковтун, И.Д. Русакова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2006). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII. – Ч. I. – С. 352–354.
5. Кочеев, В.А. Свод древнетюркских рунических памятников Горного Алтая / В.А. Кочеев. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2006. – 52 с.
6. Капелько, В.Ф. Эстампажный метод копирования петроглифов (открытые и разработка метода) / В.Ф. Капелько // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: 1986, ИИФиф СО АН СССР. – С. 105–111.
7. Кубарев, В.Д. Работы Восточно-Алтайского отряда / В.Д. Кубарев // АО 1984 года. – 1986а. – С. 182–183.
8. Кубарев, В.Д. Пятнадцатый год работы Восточно-Алтайского отряда / В.Д. Кубарев // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: ИИФиф СО АН СССР, 1986б. – С. 50–52.
9. Кубарев, В.Д. Антропоморфные хвостатые существа алтайских гор / В.Д. Кубарев // Антропоморфные изображения. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 150–169.
10. Кубарев, В.Д. Древние росписи Каракола / В.Д. Кубарев. – Новосибирск: Наука, 1988а. – 173 с.
11. Кубарев, В.Д. Заповедная зона: Калбак-Таш / В.Д. Кубарев // Наука в Сибири. – Новосибирск, 1988б. – 14 апр.
12. Кубарев, В.Д. Памятник наскального искусства Алтая / В.Д. Кубарев // Природа. – 1989. – № 11. – С. 38–47.
13. Кубарев, В.Д. Периодизация петроглифов Калбак-Таша (Горный Алтай) / В.Д. Кубарев // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М.: ИА АН СССР. – 1990. – С. 154–157.
14. Кубарев, В.Д. Сенмурв из Калбак-Таша / В.Д. Кубарев // Первобытное искусство. Наскальные рисунки Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1992а. – С. 94.

Рис. I
Карта местонахождения
петроглифов Калбак-Таш I.

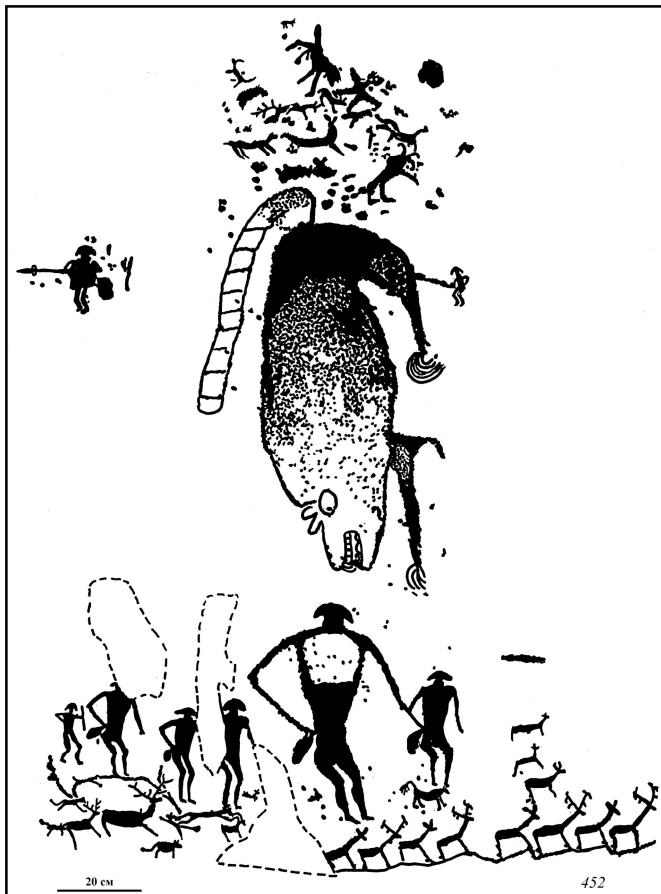
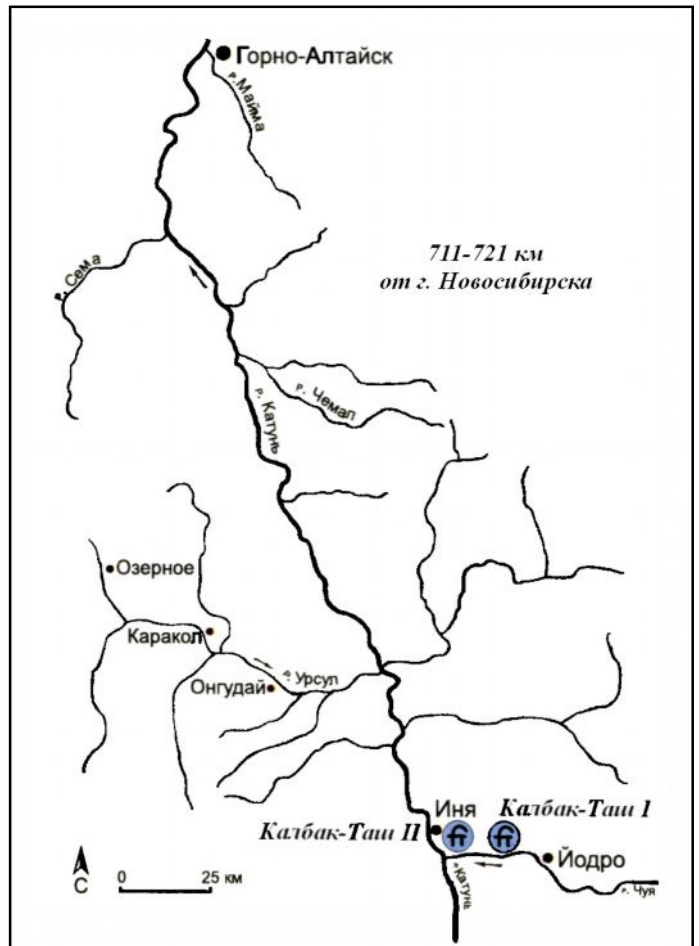


Рис. II
Одна из центральных композиций.
Калбак-Таш I. «Химера-дракон».

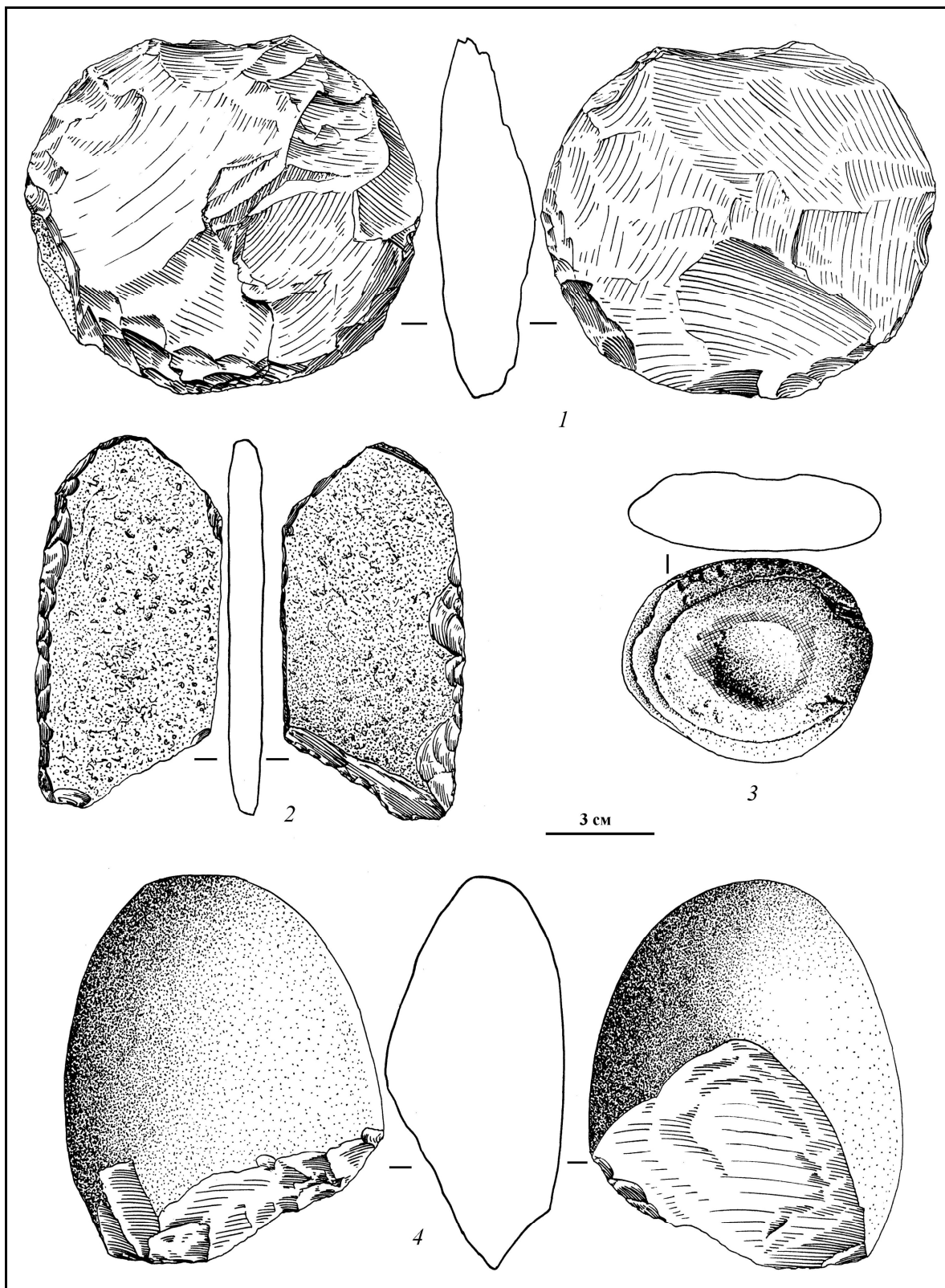


Рис. III

Каменные орудия (1, 2, 4) и каменная чашечка со следами красной охры (3), найденные в раскопе № 2 у скалы № VIII. Калбак-Таш I.

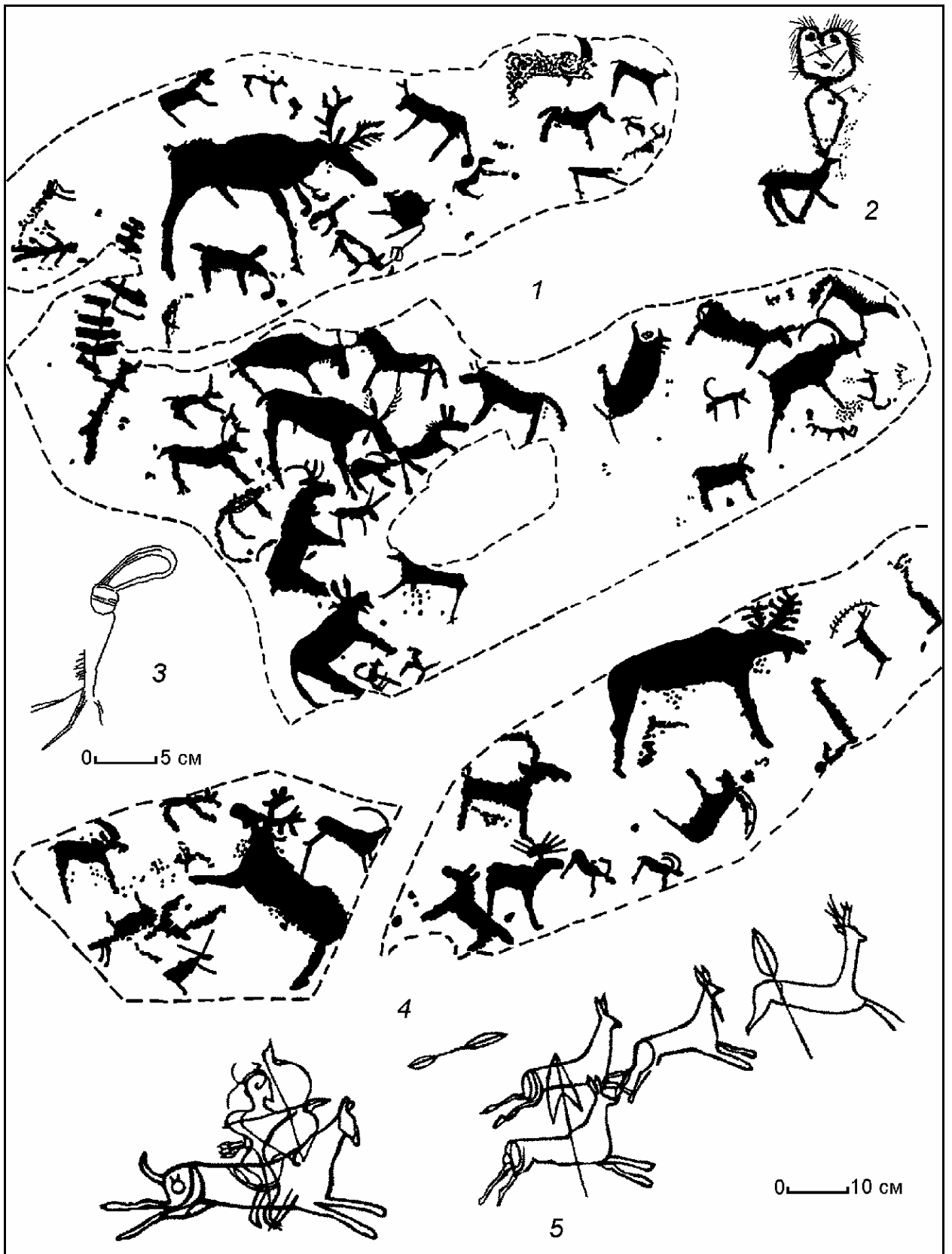


Рис. IV
Петроглифы Калбак-Таш II.

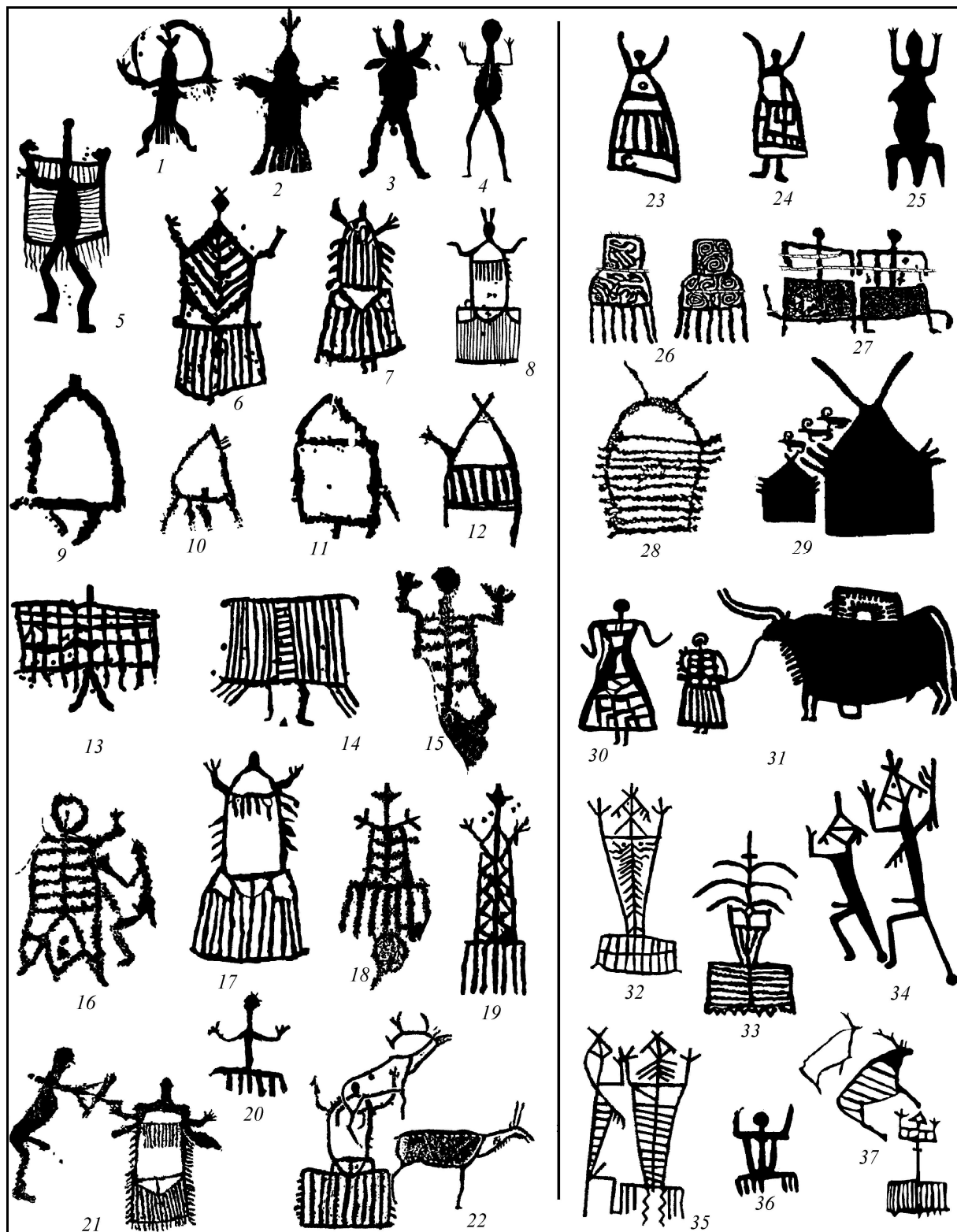


Рис. V
 Стилизованные изображения женщин:
 левая часть – Калбак-Таш I, правая часть – Средний Енисей и Монголия.

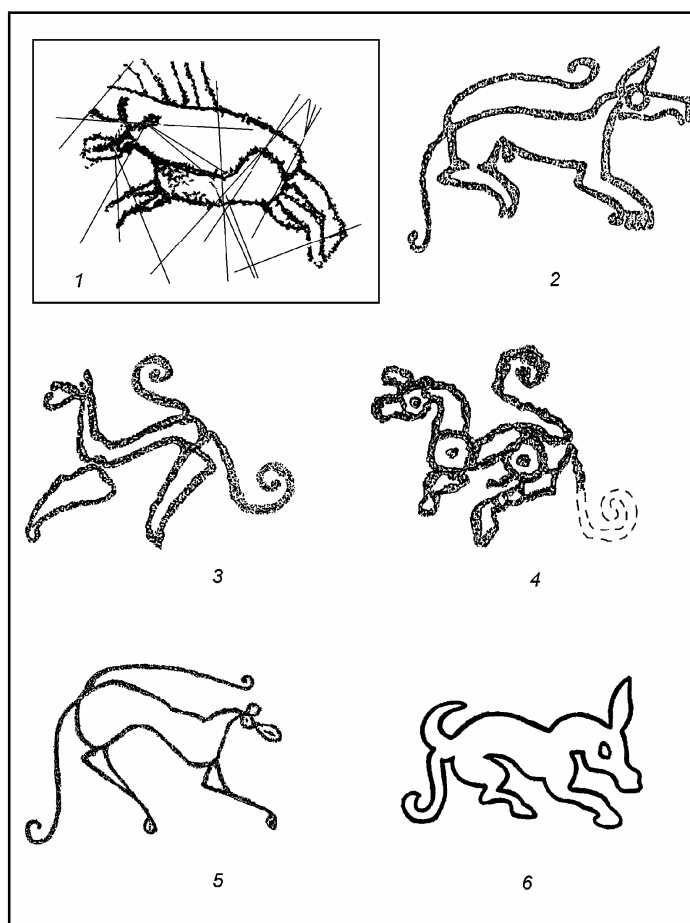


Рис. VI
Изображения
фантастического зверя:
1 – петроглиф из Калбак-Таш II;
2 – 6 – долина р. Инд. Пакистан.

15. Кубарев, В.Д. Каракольские сюжеты в новых петроглифах Алтая / В.Д. Кубарев // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992б. – С. 47–48.
16. Кубарев, В.Д. О некоторых параллелях в петроглифах Алтая и Гиндукуша / В.Д. Кубарев // Тез. к конф.: Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992в. – С. 48–49.
17. Кубарев, В.Д. К истории изучения древнетюркской эпиграфики Алтая / В.Д. Кубарев // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992г. – С. 68–73.
18. Кубарев, В.Д. Древние руны Алтая / В.Д. Кубарев // Наука в Сибири. – Новосибирск. 1992д. – № 17. Май.
19. Кубарев, В.Д. Наскальные рисунки Алтая / В.Д. Кубарев // Наука в Сибири. – Новосибирск. 1992е. – № 18. Май.
20. Кубарев, В.Д. Датировка петроглифов по находкам из погребальных памятников / В.Д. Кубарев. – Кемерово: Кем. Гос. Ун-т. – 1993. – С. 102–112.
21. Кубарев, В.Д. О петроглифах Калгуты // Наскальное искусство Азии / В.Д. Кубарев. – Кемерово: Кем. ГУ, 1997. – Вып. 2. – С. 88–97.
22. Кубарев, В.Д. Пазырыкские сюжеты в петроглифах Алтая / В.Д. Кубарев // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. – С. 84–92.
23. Кубарев, В.Д. Наскальное искусство Алтая / В.Д. Кубарев. – Новосибирск–Горно-Алтайск, 2003а. – 124 с., в том числе 94 илл.
24. Кубарев, В.Д. Наскальная живопись Алтая (Алтаие амгак есуль) / В.Д. Кубарев. – Сеул: Хак ен, 2003б. – 133 с., в том числе 108 илл. (на корейск яз.).
25. Кубарев, В.Д. Вооружение древних кочевников по петроглифам Алтая / В.Д. Кубарев // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004а. – № 3. – С. 65–81.
26. Кубарев, В.Д. Путешествие в страну «стерегущих золото грифов»: Из полевого дневника археолога / В.Д. Кубарев. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004б. – 134 с.

27. Кубарев, В.Д. Древнейшие изобразительные памятники Монголии и Алтая: проблемы хронологии и интерпретации / В.Д. Кубарев // Проблемы первобытной археологии Евразии (к 75-летию А.А.Формозова): Сб. статей. – М.: ИА РАН, 2004в. – С. 228–242.
28. Кубарев, В.Д. Мифы и ритуалы, запечатленные в петроглифах Алтая / В.Д. Кубарев // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 3. – С. 41–54.
29. Кубарев, В.Д. Калбак-Таш II: Памятник наскального искусства Алтая / В.Д. Кубарев // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2007). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007а. – Т. XIII. – Ч. I. – С. 282–287.
30. Кубарев, В.Д. Арал-Толгой: новый памятник наскального искусства Монголии / В.Д. Кубарев // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007б. – № 1. – С. 111–126.
31. Кубарев, В.Д. Каракол – Калбак-Таш: проблемы хронологии и культурной принадлежности петроглифов Алтая / В.Д. Кубарев // VII Рериховские Чтения: «Ступени восхождения». Мат-лы конф. 4–5 ноября. – Новосибирск: РОССАЗИЯ, 2008. – С. 188–204.
32. Кубарев, В.Д. Петроглифы Алтая / В.Д. Кубарев, Е.П. Маточкин. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1992. – 123 с.
33. Кубарев, В.Д. Алтай – Заповедная Зона / В.Д. Кубарев, Э. Якобсон, Д. Цэвээндорж // Международная конференция по первобытному искусству. – Труды. – Кемерово: Кем. Гос.Ун-т, 2000. – Том II. – С. 64–77.
34. Кубарев, В.Д. Обследование петроглифов Алтая / В.Д. Кубарев, Со Гилсу, Со Джинсу // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX. – С. 377–380.
35. Кубарев, В.Д. Обследование петроглифов Алтая в 2004 г. / В.Д. Кубарев, Со Гилсу, Со Джинсу // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X. – С. 306–308.
36. Кубарев, В.Д. Исследования Российско-Корейской экспедиции на Алтае / В.Д. Кубарев, Им Се Гвон, Сонг Хва Соб, Чанг Мёнг Су, Пак Гын Гунн, Ри Ха Ву, Г.В. Кубарев, О.Н. Хохлова, Ким Хо Сук, Банг Кук Чжин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2005). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI. – Ч. I. – С. 364–367.
37. Кубарев, В.Д. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула) / В.Д. Кубарев, П.И. Шульга. – Барнаул: Изд-во Алт. ГУ. – 2007. – 282 с.
38. Кызласов, И.Л. Памятники рунической письменности Горного Алтая. Часть I. Памятники енисейского письма / И.Л. Кызласов. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2002. – 162 с.
39. Миклашевич, Е.А. Памятники древнего искусства у села Озерного (Горный Алтай) / Е.А. Миклашевич // Археология Южной Сибири. – Вып. 24. – Кемерово: Изд-во «Летопись», 2006. – С. 102–127.
40. Надеяев, В.М. Древнетюркские надписи Горного Алтая / В.М. Надеяев // Изв. СО АН СССР. – Сер. обществ. наук. – 1981. – № 11. – Вып. 3. – С. 65–81.
41. Окладникова, Е.А. Петроглифы Калбак-Таша / Е.А. Окладникова // Изв. СО АН СССР. – Сер. обществ. наук. – 1981. – № 11. – Вып. 3. – С. 61–64.
42. Окладникова, Е.А. Петроглифы Средней Катуни / Е.А. Окладникова. – Новосибирск: Наука, 1984. – 110 с.
43. Окладникова, Е.А. Хронология наскального искусства горы Калбак-Таш (Горный Алтай) / Е.А. Окладникова // Новые памятники эпохи металла на Среднем Амуре. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР. – 1987а. – С. 98–110.
44. Окладникова, Е.А. Образ человека в наскальном искусстве Центрального Алтая / Е.А. Окладникова // Антропоморфные изображения. – Новосибирск: Наука, 1987б. – С. 170–180.
45. Окладникова, Е.А. Тропой Когульдея / Е.А. Окладникова. – Л.: Лениздат, 1990. – 189 с.
46. Потанин, Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии / Г.Н. Потанин. – СПб., 1881, Вып. II. – 90 с.
47. Пяткин, Б.Н. Шалаболинские петроглифы / Б.Н. Пяткин, А.И. Мартынов. – Красноярск: КГУ, 1985. – 188 с.
48. Радлов, В.В. Из Сибири / В.В. Радлов. – М.: Наука, 1989. – 750 с.

49. Савинов, Д.Г. Изобразительные памятники и ритуал (по материалам эпохи бронзы Южной Сибири) / Д.Г. Савинов // Международная конференция по первобытному искусству. – Труды. – Кемерово: Кем. ГУ, 2000. – Том II. – С. 197–206.
 50. Советова, О.С. К вопросу об «искусствоведческом и «археологическом» подходах к интерпретации изобразительных памятников / О.С. Советова // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 3 (31). – С. 103–114.
 51. Соёнов, В.И. Петроглифы Горного Алтая гунно-сарматского времени / В.И. Соёнов // Древности Алтая.– Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003.– № 10. – С. 100–107.
 52. Соёнов, В.И. Современное состояние памятников наскального искусства Алтая / В.И. Соёнов // Мир наскального искусства. Сборник докладов международной конференции. – М.: Институт археологии РАН, 2005. – С. 242–244.
 53. Франкфор, А.-П. Подходы к изучению петроглифов Северной, Центральной и Средней Азии / А.-П. Франкфор, Э. Якобсон // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 2. – С. 53–79.
 54. Хороших, П.П. Изображения на скале Ялбак-Таш / П.П. Хороших // КСИИМК. – М.-Л.: 1949. – Вып. XXV. – С. 132–133.
 55. Черемисин, Д.В. К дискуссионным вопросам изучения наскальных изображений колесниц / Д.В. Черемисин // Мир наскального искусства. Сборник докладов международной конференции. – М.: Институт археологии РАН. – С. 267–270.
 56. Шер, Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии / Я.А. Шер. – М.: Наука, 1980. – 328 с.
 57. Шер, Я.А. Обследование петроглифов Алтая / Я.А. Шер, А.-П. Франкфор, В.Д. Кубарев // АО 1994 года. – М.: ИА РАН, 1995. – С. 315.
 58. Bemann, M. Die Felsbildstation Dadam Das / M. Bemann // Materialien zur Archäologie der Nordgebiete Pakistans. Band 5. – Verlag Philipp von Zabern. Mainz am Rhein, 2005. – 185 S. Taf. 67.
 59. Kubarev, G.V. Recent rock art research in the Altai mountains (Russia) / G.V. Kubarev, A. Rozwadowski, V.D. Kubarev // International newsletter on rock art. – Paris, 2004. – P. 6–12.
 60. Kubarev, V.D. Treasures of the Scythian Tombs / V.D. Kubarev // TERRA. – Vol. 27. – No. 4. March/April. – Los-Angeles, 1989. – P. 13–19.
 61. Kubarev, V.D. Mysteries of the Asian Pearl / V.D. Kubarev // Korean Ancient Historical Society. Hanguk Sangosa Nakho. – Seoul: 1993. – No. 14. – P. 329–355.
 62. Kubarev, V.D. Rock art of Altai mountains / V.D. Kubarev // Korean Ancient Historical Society. Hanguk Sangosa Nakho. – Seoul: 1998. – No. 29. – P. 203–239.
 63. Kubarev, V.D. L'art antique des montagnes d'or / V.D. Kubarev // Tombes geleees de Siberie. Dossiers d' arceologie. № 212. – Paris, 1996. – P. 42–51.
 64. Kubarev, V. Der Altai als Verkehrsweg "der großen Wanderer" / V. Kubarev // Antike Welt. – 2001. – № 2. – P. 121–137.
 65. Kubarev, V.D. Traces of shamanic motives in the petroglups and burial paintings of the Gorno-Altai / V.D. Kubarev // Spirits and Stones: Shamanism and Rock Art in Central Asia and Siberia. – Poznan: Instytut Wschodni UAM. – 2002. – S. 99–119.
 66. Kubarev, V.D. Алутай: Найрику Азия ивага-гейдзуцу но сэйнару тюсин (Алтай: Сакральный центр наскального искусства Центральной Азии) / V.D. Kubarev // The World of Cultural Heritade. – 2005. – Vol. 18. – P. 12–15.
 67. Kubarev, V.D. Kriegsthema und Waffenkult in Felsenzeichnungen des Altaigebirges (Тема войны и культ оружия в наскальных изображениях Алтая) / V.D. Kubarev // Arms and Armour as indicators of cultural transfer. The steppes and the ancient world from Hellenistic times to the early Middle Ages. Nomaden und Sesshafte. Band 4. – Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2006. – S. 3–18.
- Kubarev, V.D. Siberie du sud 3: Kalbak-Tash I (Republique de L'Altai). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale / V.D. Kubarev, E. Jacobson. – Paris: Diffussion De Boccard, 1996. – T.V.5. – № 3. – 45 p. – 622 fig.